

Опросы как лекарство от социальных иллюзий

Невозможно жить в обществе и не думать о том, как это общество устроено, не формировать свои представления о классах, слоях, стратах, группах и т. д., составляющих общество.

Так, в советские времена в ходу было деление на официальные социально-учетные группы: “рабочие”, “крестьяне”, “служащие”, а также “интеллигенция”, “цеховики”, “бюрократы”, “члены партии” и др. Эпоха перестройки ввела в оборот “номенклатуру”, “красных директоров”, “диссидентов”, “кооператоров”, “прорабов перестройки” и проч. В бурные 90-е годы лексикон сменился, и в языке описания общества появились “демократы”, “бизнесмены”, “бандиты”, “чиновники”, “бюджетники”, “олигархи”, “новые русские”, “средний класс”, “политический класс”. Этот список можно продолжать, но в любом случае возникает вопрос о том, являются ли такого рода группы реальностью или они представляют собой то, что Пьер Бурдьё называл “классами на бумаге”.

Что такое, например, “средний класс” в современной России? Специалисты спорят о содержании этого термина и не могут договориться, журналисты видят в нем модную фигуру речи, а те, кто готов отнести себя к “среднему классу”, делают это на самых разных основаниях, включая “жизнь моя средняя – ни то, ни се”.

Примерно то же самое было с этим термином и на Западе 50–60 лет назад, но с тех пор его социальные смыслы там распространились, синхронизировались и стабилизировались. То есть западное общество стало понимать под “средним классом” что-то вполне определенное – и примерно одно и то же. Таким образом, “средний класс” стал социальной реальностью в том смысле, что он “узнается и признается”:

В самом деле, как созвездие у Гудмена, которое начинает существовать лишь тогда, когда найдено и описано в качестве созвездия, так же и группа, класс, род, регион, нация начинают существовать для тех, кто туда входит, и для всех остальных – лишь тогда, когда они отличаются по какому-либо основанию от других групп, то есть узнаны и признаны. *Бурдьё П.*

Социальное пространство и символическая власть // Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 204.

В России же смысл понятия “средний класс” пока настолько размыт, что он остается “классом на бумаге”. Это, конечно, не мешает думать и писать о нем – но только как о конструкции, находящейся в стадии становления. Состоится ли “средний класс” в России? Скорее, да – многочисленные исследования (в том числе представленные в нашем журнале) показывают, как происходит его постепенное превращение из умозрительного понятия – в социальную реальность. Таковы современные российские обстоятельства.

Очевидно, что конструирование групп не может быть конструированием из ничего (*ex nihilo*). Оно может быть тем более успешным, чем в большей степени базируется на реальности, то есть <...> на объективных связях между людьми <...> Эффект теории тем сильнее, чем теория более адекватна. *Там же*. С. 204.

Известны случаи, когда абстрактные теоретические конструкции, возникшие в умах немногих мыслителей, становились социальной реальностью, охватывали миллионы людей и “программировали” их чувства, воззрения и действия. Чего стоит хотя бы пример, когда небезызвестный “призрак коммунизма бродил по Европе” и в итоге превратил “рабочий класс” из “класса на бумаге” в жестокую реальность неисчислимых бедствий, революций, гражданских войн, гибели и рождения новых государств.

Но такого рода примеры – скорее исключение, нежели правило. Чаще теории общества, дающие имена социальным группам и разделяемые немногими энтузиастами, не имеют шансов широко распространиться, породить весомые, “узнанные и признанные” сообщества единомышленников, стать заметной частью социальной реальности.

Такова в нынешней России участь либеральной теории “невидимой руки рынка”, идей леворадикального социального протеста, основанных на императивах равенства, справедливости, а также идеологии феминизма, евразийства, нацизма, имперского возрождения, политкорректности, концепций экологических и правозащитных приоритетов и т. д., и т. п.

Все это и многое другое представляет собой (может быть, пока?) скорее *социальные иллюзии*, а не социальную реальность.

Пожалуй, больше всего социальных иллюзий возникает у тех, кому по необходимости приходится много размышлять о структуре общества. К таковым относятся, в частности, озабоченные выборами политики, партийные деятели, а также их консультанты, политтехнологи, работники информационного сервиса. У них особый взгляд на общество: он сфокусирован так, чтобы различить в общей массе населения свои и чужие электоральные группы, соотнести их, оценить свои шансы на электоральный успех. Из чего они исходят – из социальной реальности или из социальных иллюзий? Что они видят – реально сложившиеся электораты (чаще всего небольшие и диффузные) или то, что желают увидеть (мощные группы голосующих за них избирателей)? Чаще всего, конечно, политики живут в иллюзорном мире! Как он возникает – хорошо иллюстрирует знаменитый рисунок, в котором каждый усматривает то, что захочет: либо молодую девушку, либо древнюю старуху (карикатурист У. Хилл, 1915 год).

По аналогии с этим рисунком можно вспомнить осень 99-го года, когда политические элиты, разглядывая результаты опросов населения о росте “народного рейтинга” В. Путина, говорили что-то вроде: “Этого нет и не может быть, потому что мы этого не видим”. Но... прислушаемся к Бурдые.

Спонтанные воззрения на социальный мир, “*folk theories*” <...> (или то, что я называю спонтанной социологией), так же, как и ученые теории <...> составляют часть социальной реальности и могут получить совершенно реальную власть конструирования, как в примере с марксистской теорией. Там же. С. 191.

Только после выборов в Думу в декабре 99-го года “народные теории” – “*folk theories*” – о В. Путине были приняты “слугами народа”.

А сколько было (и есть!) примеров заблуждений экспертов, наоборот, относительно популярности второстепенных политических фигур только на том основании, что они занимали высокие посты, часто мелькали на телеэкране и излучали уверенность в правомерности своих социальных иллюзий.

Мораль: если ты не хочешь оказаться в плену иллюзорных политических проектов и намерен трезво смотреть на социальную реальность, нельзя игнорировать авторитетные опросы населения, так как, по словам Бурдые, “социальный мир *может* быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления”, но:

Власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе. Там же. С. 204.

Александр Ослон,
президент Фонда “Общественное мнение”, главный редактор журнала

Рис. У. Хилла, 1915.